

КАК-ТО Горький обронил фразу, показавшуюся себе-седником невероятной. К. Чуковский дословно воспроизвел ее в своем дневнике: «С новой властью нельзя не лукавить...» Сказано это в 1919 году.

Может, неудачная фраза сорвалась сгорая, в минуту раздражения и досады?

Но... вот в воспоминаниях Е. Замятина мы находим любопытное рассуждение, основанное на впечатлениях от частых встреч с писателем, имевших дружески-доверительный характер. Е. Замятин пишет, что о различных злоупотреблениях рапповцев властью рассказывал Горькому не раз. Слушал тот внимательно, временами останавливал: «Подождите, эту историю я должен для себя записать». «Смысл — этих «записей», — продолжает Е. Замятин, — стал мне ясен только позже, в 32-м году. В апреле этого года, неожиданно для всех, произошел подлинный литературный переворот: правительственным декретом деятельность РАППа была признана «препятствующей развитию советской литературы», организация эта была объявлена распущенной. Это не было неожиданностью только для Горького, я совершенно уверен, что этот акт был подготовлен именно им, и он действовал как очень искусный дипломат».

Очень искусный дипломат! И это о Горьком? Признаем: что-то совсем новое в его характеристике. Авторитетное свидетельство Е. Замятина дает ключ к пониманию многих поступков Горького, таких, подспудный смысл которых постичь попросту невозможно без учета этой особенности его общественного поведения.

...К моменту первого приезда Горького из эмиграции в Советскую Россию в 1928 году власть в стране фактически сосредоточил в своих руках Сталин. Осуществляя гигантский «великий перелом», он все больше думал о той роли, которую может и должна играть в общественной борьбе литература. Отлично понимая, что сейчас нет писателя, равного Горькому, Сталин приложил немало усилий, чтобы вернуть его на родину. Действовал он в основном через назначенного им недавно руководителем Госиздата А. Халатова, поддерживавшего с Горьким оживленную переписку.

Разумеется, он отлично понимал свою статью «Окружили мя тельцы мнози тучны», опубликованную в «Правде» еще в 1917 году и содержавшую резкую критику Горького и его газеты «Новая жизнь». Но теперь, в конце 20-х, конечно, впрямую напоминать Горькому о его прежних грехах было бы неразумно. Другое дело — в завуалированной, но для него-то вполне понятной форме...

Способ нашелся отличный! Продумывая тактику года великого перелома, своего звездного года, Сталин нашел уникальный способ начать этот год. Согласно спе-

публикуемая работа доктора филологических наук, профессора В. Баранова является продолжением статьи «Да и «нет» Максима Горького» («Советская культура», 1989, 1 апреля), с большим интересом встреченный читателем в нашей стране и за рубежом. Она вошла в дайджест «Страницы истории» (Ленинград, 1990), включающий лучшие материалы прессы 1989 г., переведена в ряде стран (Польша, Китай и др.).

циальному решению ЦК в «Правде» была впервые опубликована ленинская статья «Как организовать соревнование», написанная еще в 1918 году.

Кто кто, а Горький не мог не обратить внимания на острый полемический пассаж, направленный прямо против него и редактируемой им газеты «Новая жизнь». По прошествии стольких лет, возвращаясь на родину, Горький, полагал Сталин, должен сделать из всего соответствующие выводы.

Горький съездил на Соловки. Отрывок из очерка «Известия» опубликовали вскоре же, в начале июля 1929 года. Отрывок, направленный на то, чтобы прекратить «шумиху», поднятую в западной прессе. Но никто, абсолютно никто не мог предполагать, что будет вскоре.

...Еще в 1926 году Б. Пильняк напечатал имевшую опасный политический подтекст «Повесть непогашенной луны». Книжку журнала, конечно, распорядились конфисковать. В 29-м наконец-то пришла пора развязать узелок, который Сталин накрепко завязал на память. За границей появилась повесть того же Б. Пильняка «Красное дерево» — сплошная апология старины, которую вообще-то надо ломать беспощадно. К «Дереву» присоединили роман Е. Замятина «Мы», отгнанный в стране как клевета на социализм.

«Литературная газета» опубликовала заметку Федора Раскольникова: «Для всякого честного советского писателя нет двух мнений по поводу того, что двурушничество недопустимо. Советский писатель не может печататься в эмигрантских изданиях. И советская общественность весьма своевременно, в связи с данным случаем, поставила общий, принципиальный вопрос и подняла кампанию за оздоровление литературных нравов».

Б. Пильняка «единодушное» осудили многие писатели: В. Маяковский, Вс. Иванов, Н. Огнев, К. Зелинский, В. Катаев, И. Гроссман-Рощин... 15 сентября состоялось экстренное собрание Всероссийского союза писателей. Организацию решено было переименовать в Союз советских писателей, а Б. Пильняка сместить с председательства поста.

И вдруг Горький публикует в «Известиях» статью с многозначительным заголовком: «О трате энергии». «Умеем ли мы воспитывать помощников, вести за собой попутчиков? — спрашивал он. — Мне кажется, не умеем. Хвастливые заявления о том, что «бойдемся и без попутчиков», неубедительны. У нас образовалась дурацкая привычка вталкивать людей на колокольню славы и через некоторое время сбрасывать их оттуда в прах, в грязь». Горький возражает тем, кто мог бы обвинить его в примиренчестве и либерализме, и утверждает, что более всего беспокоит его неразумная трата духовной энергии.

Ортодоксально — официозные критики встретили выступление Горького в штыки. Наиболее крайние из них утверждали даже: «статья в защиту Пильняка... дает лишнее оружие в руки врагов пролетарского государства».

Особенно грубым выпадам подвергся сам Горький со стороны представителей сибирской группы пролеткультовско-рапповского толка «Настоящее». Газета «Советская

Вадим Баранов

Горький и Сталин: попытка противостоения

Сибирь» 22 сентября 1929 года печатает статью с саркастическим названием «Затраченная энергия М. Горького». В ней особенно важен один момент. Слово упреждая своих оппонентов, Горький пишет в своей статье, что он вовсе не проповедует либерализм, примиренчество. «Это будет ложь». Некто, предусмотрительно скрывшийся под псевдонимом «Журналист», немедленно парировал: «Нет, Горький, скажите, что вы проповедуете примиренчество, не будет ложью... Вы, Алексей Максимович, убежденный и сознательный примиренец. Примиренец, так сказать, в международном масштабе».

Как неплохо было бы, если б в эти слова вдумались многочисленные нынешние оппоненты Горького, видящие в нем последователя сталиниста. Между тем Горький призывает покончить с утвердившейся жестокой традицией за каждой ошибкой искать злой умысел. Он явно против гипертрофированного отношения к понятию «классовая борьба» и против механического перенесения его на культуру. Между тем «Правда» поддержала критику Б. Пильняка. «Известия», опубликовавшие статью М. Горького, в сущности, тоже вскоре отмежевались от нее.

Итак, осуждают Б. Пильняка, а с ним и Е. Замятину решительно все. На М. Горького же навешены опасные ярлыки. Что оставалось делать? Ясное дело — пойти вместе со всеми. Плетью обуха не перешибешь.

А М. Горький — он пишет новую статью — «Все о том же». С самого начала тон взят бескомпромиссный: скандалом обрдованы различные бойкие ребята. Среди таковых «немало неопаразитов рабочего класса: демагогов, прихвостней, рвачей и страдающих чesоткой честолубия. Таких, после революции 1905—1906 гг., называли «обзонаго сволочью». Для таких лозунг культурной революции — пустые слова, смысл которых они не понимают. А если и понимают, то как предвещие своей гибели».

В последние годы в периодике появилось множество публикаций о Горьком. Сейчас уже ясно, что писатель давал достаточно поводов для нелицеприятных суждений. Но, как говорится, критика одно, а категорическое отрицание, не подкрепленное серьезными аргументами, — совсем другое. Дело дошло до того, что книги Горького предлагалось изъять из программ школьного обучения.

Общий смысл характеризуемых публикаций сводился к одному тезису: Горький стал послушным слугой тоталитарного сталинского режима, рупором его идей.

На этом фоне как дерзкий вызов складывавшейся печальной традиции прозвучала статья одного из ведущих отечественных филологов Вяч. Вс. Иванова «Почему Сталин убил Горького?» («Звезда», 1993, № 1; сокращенный вариант — «Час пик», 2 ноября 1992). С опорой на новые материалы — чаще всего устные свидетельства современников — В. В. Иванов рисует картину, коренным образом отличающуюся от той обличительно-сатирической фрески, что создана коллективными усилиями публицистов, критиков, писателей. Горький показан в состоянии конфронтации со Сталиным и его режимом. И даже выдвигается версия о его участии в заговоре против Сталина вместе с Г. Ягодой и «Ивановичами» — Рыковым и Бухариным.

Не берусь в этом кратком введении определять меру убедительности концепции В. В. Иванова и попытаюсь сделать это в статье. Скажу пока, что в предлагаемой вниманию читателя работе я хотел бы изложить свой взгляд на судьбу Горького в 30-е годы и ее трагический финал.

В первоначальном варианте статьи М. Горький персонализировал картину состояния литературных дел, указав, что именно подвергают остракизму «бойкие люди»: тех же Б. Пильняка, Е. Замятина, а также М. Булгакова. Еще раньше он высоко оценил пьесу «Бег» и предрекал ей «анакреонический» успех. Между тем дела Булгакова шли все хуже, и летом 1929 года он писал брату Николаю: «В 1929 году состоялось мое писательское уничтожение». «Ни одно учреждение, ни одно лицо на мои заявления не отвечают, — писал Булгаков Сталину. — Остаётся уничтожить последнее, что осталось, — меня самого. Прошу вынести гуманное решение — отпустить меня». К кому мог обратиться опальный писатель? К Горькому!

В 1928—1929 гг. Горький ведет настойчивую борьбу за постановку пьесы Е. Замятина «Аттила», и в июне 1929-го встречается с наркомом юстиции Крыленко. В октябре 1929 г. — со Сталиным и говорит с ним о возможности удовлетворить желание Е. Замятина выехать за границу. (После ряда отказов, письменного обращения Е. Замятина лично к Сталину в июне 1931 г. и опять-таки только при настоятельном участии Горького просьба Е. Замятина была наконец удовлетворена. Е. Замятин умер своей смертью за рубежом, в отличие от Б. Пильняка, до которого караящая рука вождя дотянулась сразу после смерти Горького, в 1937-м).

С протестом против запрещения пьесы «Аттила» М. Горький обращается к предсessorу А. И. Рыкову. Факт запрещения пьесы Горький считает «совершенно скандальным» и полагает, что он «будет всячески использован вра-

гами рабочего класса». Готовясь к отъезду в Италию, М. Горький еще не знал, что все в том же 1929-м была запрещена публикация шестой части «Тихого Дона», за которую предостоят нелегкая борьба. Как тут не вспомнить решительное заявление одного из именитых горьковских оппонентов, в ту пору народного депутата СССР Б. Васильева о том, что «Горький по возвращении ни разу не поднял голос в защиту... культуры...» Что дело таким оппонентам до фактов? О, если бы это был единственный пример безапелляционности, в основе которой лежит априоризм. Еще более решительно заявление М. Волиной: Горький «во всем и всегда с политикой Ленина и Сталина был согласен».

«Ни разу», «во всем и всегда»... Велика все же наша склонность к черно-белому мышлению... Так-то оно проще, а в пору всеоскоружающей критики прошлого — вымгрышей.

Встреча со Сталиным завершала литературные дела Горького (о ней Замятин сообщал жене 24 октября), а накануне, 23-го, Горький выехал на зиму в Италию.

Итак, Горький покинул Россию... Но всеми помыслами он был на родине. Чувствуя, что в стране происходит крайне опасные для ее духовного развития процессы — процессы, далеко выходящие за рамки судеб литературы, — он прямо включается в дела чисто политические.

27 ноября 1929 г. он пишет из Италии Сталину обстоятельное письмо. Все о том же, что не дает ему покоя. Среди молодежи распространяются настроения пессимизма и скептицизма. Поддается им молодежь наиболее вдум-

чивая, та, которая училась на опыте, на книгах и речах старых большевиков. Теперь она видит, что учителя ее один за другим отпадают от партии, объявляются еретиками... Авторитет партии в глазах молодежи падает, что объясняется «трениями» в ее рядах. «В прошлом эти трения создавали «отбор лучших», создали большевиков, в настоящем они создают весьма заметное количество двуногого хлама и в его числе «махаевцев». Последние довольно успешно ведут поход против старой партийной интеллигенции, против культурных сил, которыми партия не богата до того, что все чаще ставит на боевые позиции культуры людей явно бездарных. Видя бездарность чиновников, молодежь наиболее энергичная, эгоистическая и «жадная к власти» стремится пролезть вперед, занять видные места. Революционная фраза и лисья ловкость — ее единственное оружие. Вам, разумеется, понятно, что при наличии таких условий большевики не создадут себе сменяемой равноценной им по энергии и целеустремленности».

В очередную годовщину Октябрьской революции Сталин впервые выдвинул знаменитую формулу «год великого перелома». Но он уже шел, этот великий перелом. Шел не только в деревне или индустрии. Началась чистка в партии: выметали всех неугодных, на их место в изобилии устремлялись те, кого Горький окрестил «двуногом хламом». В результате в партии в начале 1930 года было три четверти новых членов. Началась «сдвиги» в кадровой политике: 12 сентября 1929 г. Луначарский лишился поста наркома просвещения, а у нового наркома появился великодушный заместитель — А. Вышинский 30 октября главой ОГПУ был назначен Г. Ягода. Весной началась кампания борьбы с «аполитизмом» в Академии наук (академики С. Ф. Платонов и С. Ф. Оль-

денбург, кстати, человек, близкий Горькому, были обвинены во вредительстве, причем первый из них арестован за связь с заграницей, а второй лишился поста секретаря АН, который занимал четверть века). Сменено правление Московского художественного театра. Реорганизации подверглась Государственная академия художественных наук (причем началась стремительная активизация «пролетарского» направления в музыке и изобразительном искусстве). В конце года была разгромлена так называемая формальная школа. Ее представителями являлись такие выдающиеся филологи, как Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум, В. Шкловский, Р. Якобсон. Сборники «Поэтика» выходить перестали.

Ломать — так ломать все! В мае публикуется предложение о введении нового календаря не от Рождества Христова, а от Октябрьской революции. Весной по всей стране ретивые безбожники сбрасывают на землю церковные колокола, и весной следующего года впервые в ее истории страна встретит Пасху без малинового звона.

Итак, политика, деревня, индустрия, культура, наука, религия, кадры, быт — не существовало такой сферы, в которую бы не вторгся всеоскоружающий, воистину великий перелом.

Письмо Горького Сталину было написано, как уже говорилось, 27 ноября, а спустя два дня он пишет вождю еще одно письмо, в котором развивает идеи предыдущего послания.

Сталин ответил не сразу. В известном смысле понять вождя можно. Дел в год великого перелома было у него по горло. Некоторого внимания требовало и обстоятельство личного характера: 21 декабря ему исполнилось пятьдесят.

Среди праздничных поздравлений и приветствий, полученных им лично, не могло не озадачить одно, может быть, самое лаконичное и официально-сухое: «Поздравляю. Крепко жму руку. Горький».

Тут было над чем подумать... Вождя изначально совершенно не могла удовлетворить вся позиция Горького, проникнутая недопустимым либерализмом и полностью противоречившая стратегии и тактике года великого перелома. Но рождающийся в его сознании план руководства культурой трудно, практически невозможно было бы осуществить без участия Горького. В корне не согласный с ним, Сталин еще долго и тщательно будет обдумывать ответ, а потом напишет: «Мы не можем без самкритики. Никак не можем, Алексей Максимович. Без нее неминуемы застой, загнивание аппарата, рост бюрократизма...» «Понятно, что при такой «головомольной сутолоке» у нас не может не быть усталых, издерганных, изношенных, отчаявшихся, наконец, — перебегающих в лагерь врагов. Неизбежны «издержки» революции».

Сталинское письмо будет отправлено 17 января 1930 года. Но перед этим мудрый стратег, вынужденный начать интеллектуальный поединок с писателем, сделает совершенно неожиданный, блистательный ход (что-то вроде жертвы ферзя, ведущей к победе). Ход был призван не оттолкнуть великого художника от власти, а,

наоборот, приблизить к ней. Главное — подчеркнуть, что расхождения с руководством имеют преходящий характер, а то, что объединяет Горького с ним, — куда важнее и прочнее.

Сибирская группа «Настоящее» резко выступила против Горького еще до начала кампании вокруг Б. Пильняка и Е. Замятина. С началом кампании она тотчас подключилась к ней.

И вдруг на страницах «Правды» 26 декабря 1929 года публикуется специальное постановление ЦК ВКП(б) «О выступлении части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького». Постановление? Об одном в конце концов частном — на фоне великих-то преобразований — литературном явлении? Ну выступил бы какой-нибудь журналист или писатель. Ну опубликовала бы «Правда» редакционную статью. А тут постановление ЦК! Смысл поступка Горького, защищавшего «еретиков» и выглядевшего «еретиком» № 1, разумеется, раздражал Сталина. Будь на то его воля, вождь справился бы с этим инакомыслящим покруче того, как он сделал в 1917 году. Но изворотливый ум заставлял его рассуждать иначе. Кишащиеся своей партийностью рапповцы — люди без перспектив, пишут плохо. Горький — фигура мирового масштаба. Политика должна быть не только жесткой, но и гибкой. Гибкой по отношению к тем, кого выгодно защитить, жесткой по отношению к тем, кто поступает вопреки интересам партии.

Как и полагалось документу той поры и того ранга, постановление было совершенно недвусмысленным по характеру и тону. «...Подобные выступления части сибирских литераторов... в корне расходятся с отношением партии рабочего класса к великому революционному писателю тов. М. Горькому». Выпады против него были названы «хулиганскими».

Абсолютно никто не ожидал появления такого документа. Но случилось необычайное: Сталин получил от Горького ответ, которого ожидать не мог никак. Казалось бы, Горький должен быть доволен осуждением настоящих, которые вели себя по отношению к нему более чем оскорбительно (он будто бы «все чаще и чаще становится рупором и прикрытием для всей реакционной части советской литературы»).

А Горький? «...Брань на востру не виснет, — пишет он Сталину из Италии 8 января 1930 года. — Мне она жить не мешает, а в работе — поощряет. Человек я, как Вы знаете, беспартийный, значит: все, что по моему адресу, — партию и руководящих членов ее не задевает. Пускай ругаются... Так что не наказывайте ругателей, Иосиф Виссарионович, — очень Вас прошу».

Горький оказался «игроком» более опытным, чем можно было подумать. Подчеркивая свою беспартийность, он словно бы ставит под сомнение право партии и «руководящих членов ее» на вмешательство в литературные дела. Сталин не мог не понимать, что впереди далеко не простое продолжение «шахматного поединка».

(Окончание в следующем номере).